

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ им. И. Я. МАРРА
и НОВГОРОДСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЗЕИ

ЛОМИ

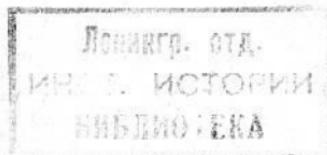
5,590

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК II

Под общей редакцией
академика Б. Д. ГРЕКОВА

23, XI, 37

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБЛОНО • 1937 • ЛЕНИНГРАД

A. A. СТРОКОВ

Сдано в набор 11.IV.57 г. Подп. к печ. 13.VI.1957 г.
9 п. л. — 12,5 авт. лист. Печ. знаков в 1 п. л. 28500
Бумага 62×94 1/16. Ленкордит № 3228. Зак. № 57
Тираж 1500 экз.

Отпечатано в арт. „Советский печатник“,
Ленинград, Моховая, 30

Отв. редактор И. Коган

Техн. редактор В. Иванов

Корректор Ф. Мартинсон

1

Товарищ СТАЛИН в своем ответе писателю Эмилю Людвигу, вскрывая значение исторических личностей Болотникова, Разина и Пугачева, показывает, какой глубокий интерес представляет для нас изучение истории первых попыток восстаний крестьянства. „Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства“.¹

История человеческого общества после распада первобытного коммунизма была историей борьбы классов, историей борьбы угнетенных за свое освобождение.

Движения смердов, развернувшиеся в Киевском государстве—„империи Рюриковичей“, в XI веке, были первыми боями, направленными против растущего феодального гнета.²

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. „Большевик“, 1932 г., № 8, стр 37.

² XI век для Новгородской земли характерен тем, что в связи с общим подъемом производительных сил в это время шел энергичный процесс превращения общинной собственности на землю в частную собственность, причем свободный общинник становится зависимым. Процесс классовой дифференциации в этот период все более и более усиливался. В таких условиях развернулись крестьянские движения, так называемые восстания волхвов (служителей старой языческой религии). В 1024 году — восстание в Суздале, в 1071 году — на Белоозере. В Новгороде около этого времени волхвы возглавили движение против князя Глеба, его дружины и епископа. Эти первые крестьянские восстания были направлены против тех, кто „обиляе (хлеб) держит“. Восставшие громили „старую чадь“ и „имения взмешата собе“.

В Новгороде волхвы стали направлять население против правящей верхушки. Население восстало, „бысть мятеж в граде и молва не мала“. Епископ призывал народ ити к кресту, но „люди все идоша за волхвов“, против князя Глеба, его дружины и епископа, и „бысть мятеж велик

История Руси периода феодальной раздробленности также полна беспрерывными выступлениями угнетенных.

Восставшие, как сообщают летописи, не раз нападали на „лучших“, „добрых“, „вятских“ мужей, подвергая последних жестокой расправе.

В Новгороде Великом, в этом типичном феодальном образовании, за период XII—XV вв. мы имеем целый ряд крупных восстаний — 1136 г., 1209 г., 1418 г. и др.

Старая историография, в лице своих отдельных представителей, занималась разбором многочисленных летописных сообщений о новгородских мятежах. Но в этих сообщениях она всегда усматривала „ дух безнечалия“, „проказу“, „беззаконие“ в самом новгородском управлении и борьбу смердов, „меньших“, „черных“ людей подменяла борьбой двух партий — „бояр-капиталистов“ и „бояр-землевладельцев“.

Обратимся к В. Пассеку, который впервые в 1869 году выступил с большой работой по этому вопросу.¹

В основу объяснения борьбы в Новгороде взято деление города на две стороны — Софийскую и Торговую — и деление сторон по концам. „Две стороны враждовали одна перед другой, но каждая из них в свою очередь не могла сохранить единство, и трещина в государственном здании

межу ими“. Восстание было подавлено. Летописец эту победу приписывает быстрым и решительным мерам, принятым князем Глебом.

Почему это крестьянское движение окутывалось религиозной оболочкой? Почему жрецы старой языческой религии возглавляли это движение? В. И. Ленин (Сочинения, т. II, стр. 520) писал, что „выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития, а не одной России“.

Известно, что христианизация, шедшая из феодальной Византии, способствовала росту феодализма. Христианская религия в представлении смердов сливалась воедино с закрепощением, с отнятием общинных земель, с обложением данью и оброком. Отсюда совершение понятия, почему, например, в конце X века Новгород усиленно сопротивлялся крещению и был крещен не только „словесными пастырями“, но и при помощи „мечи и огня“. Недаром на протяжении веков про новгородцев ходила саркастическая поговорка: „Путята вас крестил мечом, а Добрыня огнем“.

¹ В 1846 г. вышла работа С. Соловьева „Об отношениях Новгорода к великим князьям“. В этой работе он упоминает о „народных восстаниях“, но рассматривает их лишь попутно в связи с историей веча.

Он различает три вида венчевых собраний: 1) „вече, собираемое князем“, 2) „вече, собирающееся против князя“ и, наконец, 3) „вече судное“ — характеристика которого дана в самом начале его книги.

Первого рода вече собиралось по распоряжению князя или, в его отсутствие, по распоряжению посадника звоном колокола, обыкновенно на дворе Ярослава; о других же подробностях касательно порядка сове-

проходила от сторон Боярской и Торговой к концам отделяя конец от конца одной и той же стороны“.

После рассуждения, как один конец вступал в борьбу против других концов, определяется социальный состав населения сторон. „Все без исключения данные говорят, что Софийская сторона была сторону боярскою, а Торговая сторона — младших торговцев² — сторону купеческого или черного народа“.³

Приводя многочисленные примеры, „доказывающие“ борьбу сторон, В. Пассек приходит к следующему: „уже и в XIII столетии можно было предвидеть подобную связку, уже тогда Софийская сторона стояла в оборонительном положении, подобно тому, как в 1157 г. стояла в оборонительном положении сама Торговая сторона“.⁴ В начале же XV столетия „гражданские связи между двумя сторонами, вследствие многолетней безысходной

шания мы не имеем никакого права заключать по совершенному недостатку известий. Еще неопределеннее был характер остальных родов веча. Вече, собирающееся против князя, было не что иное, как народа восстание: оно могло приготовляться в тайных вечах по домам недовольных и потом обнаруживаться в разных концах города, причем иногда одна часть граждан становилась против князя, другая вступала за него и дело решалось битвой.

Наконец, третий род веча, вече судное, носило тот же самый характер, как и вече, собирающееся против князя; так, иногда жалобщик созывал одно вече, обвиненный другой: следствием было междуусобие. Суд и расправа производились следующим образом: обиженный созывал вече, излагал жалобу; если в собрании было согласие, то немедленно приступали к исполнению приговора: отправлялись в улицу, где жил обвиненный, били его, если находили, грабили имущество, жгли дом; иногда обиженный схватывал сам обидчика и влеч за собой, созывая вече; изложив жалобу, сам становился исполнителем приговора, другие помогали ему управляться с обидчиком. Иногда, узнав, что жители известной улицы совершили преступление, вече шло на эту улицу и сожигало дома виновных. При этом случалось, что жители улицы, против которой направлена была месть веча, вооружались и шли отражать нападение: сила должна была решить дело. Из приведенных примеров видно, что каждый гражданин мог собирать вече, когда хотел и где хотел, причем не обращалось внимание, все ли граждане присутствовали, или нет: первая толпа народа была вечем, имела значение верховного народного собрания, и, если сила была на ее стороне, могла переменять существующий порядок вещей, смешать князя, сановников, судить и наказывать. Присутствие на вече не было обязанностью гражданина, равно как не было правом известных сословий: каждый мог участвовать в собрании или не участвовать“ (Соловьев С. М. Ук. соч.).

¹ В. Пассек. Новгород сам в себе. Чтения в Об-ве Истории и Древностей Российской, за 1869 г., кн. 4, стр. 118.

² Там же, стр. 145.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 143.

борьбы их между собою, являются уже почти совершенно разрушенными¹.

Дальше говорится о торжестве Торговой стороны над Софийской, но, несмотря на это, Софийская продолжает господствовать над Новгородской областью.

Торговая сторона в своей борьбе против Софийской тоже возглавлялась боярами, но изменившими боярству. Измена происходила благодаря соперничеству. „История XIV столетия была продолжением дальнейших успехов Торговой стороны и с тем вместе усилением признаков внутреннего разрушения Новгорода. Козни и соперничества между боярскими семьями уже в XIII столетии раскрывали возможность для Торговой стороны найти между боярами таких лиц, которые готовы были вести ее или идти с ней против своих же братий бояр, против главы боярства и всего Новгорода — против посадника; мало того, давали возможность Торговой стороне найти себе естественную опору в целой толпе бояр — в целом конце. И неужели Торговая сторона не понимала, что одно соперничество заставляет бояр изменить боярству и соединиться с нею против боярства“.²

И, наконец, в заключительной части работы следует вывод: „Незавидно же было внутреннее состояние Новгорода. Все исполнено духом безнадеяния, вольницы, буйства, насилия, начиная от главных общин до самых низших слоев“.³ В Новгородской истории „простая чадь“, „кулачные бойцы“ играли „тревожную роль“ и „произвол, беззакония этой чады“ питался самим новгородским духом.⁴

Для того, чтобы показать, какое влияние оказalo исследование В. Пассека на последующие объяснения многочисленных летописных сообщений о мятежах, приведем несколько выдержек из работы В. О. Ключевского. „Автономия кончанских и улицких обществ проявлялась в пренебрежении к верховному венчу державного города. В 1359 г. Славенскому концу не полюбился посадник Андриан Захаринич, и конец самовольно назначил другого вопреки воле города“.⁵ Или: „взаимное озлобление обеих сторон, простонародной Торговой и Софийской боярской, резко и характерно выражалось в восстании 1418 г.“.⁶

¹ Там же, стр. 152.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 186.

⁴ Там же, стр. 177.

⁵ Б. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. Москва, 1912 г. стр. 112—113.

⁶ Там же, стр. 113.

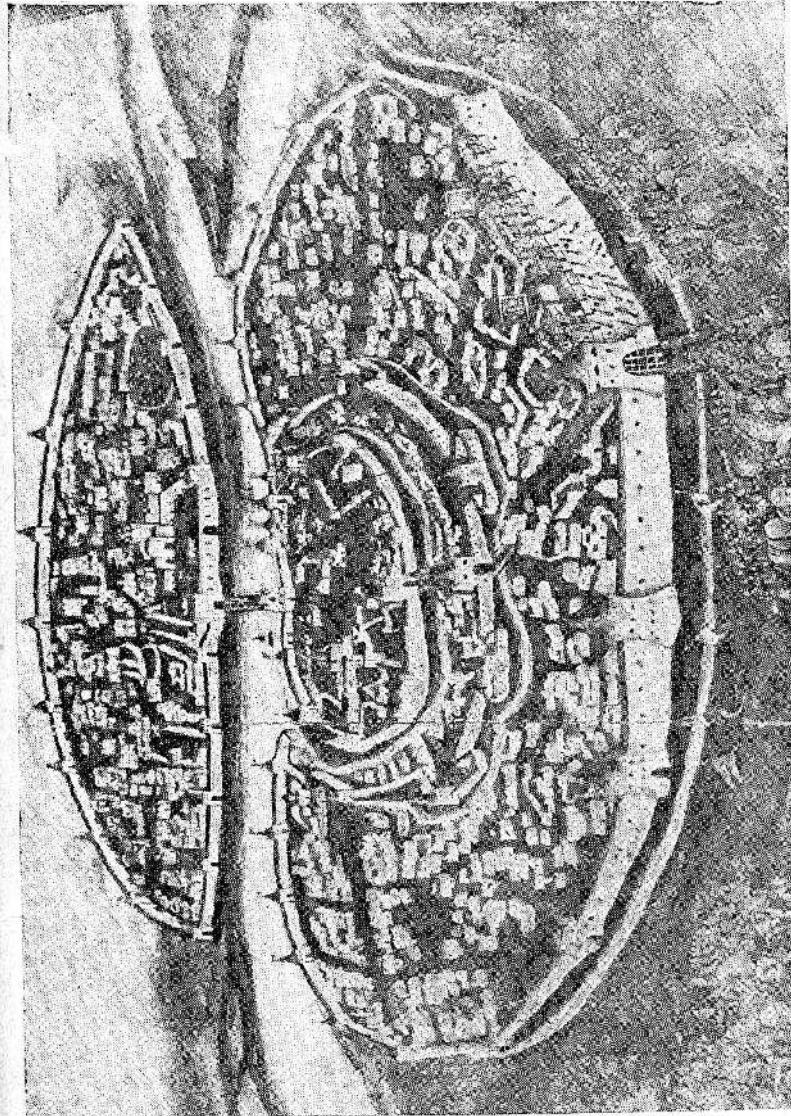

Фото 1. Изображение Новгорода XVII в. Вверху — Торговая сторона, внизу — Софийская

Здесь мы видим, В. Ключевским так же, как и В. Пассеком, признается борьба сторон и концов. Торговая сторона так же считается простонародной, а Софийская — боярской. И затем: „когда народ подозревал или видел со стороны выборных властей либо всего правящего класса замыслы или действия, казавшиеся ему преступными или опасными, тогда вече, преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а простонародный состав, становилось односторонним, представляло одну лишь Торговую, черную, сторону во главе с боярами демократической партии. Так как движение в таких случаях шло против наличных властей, то оно получало вид народного мятежа“.¹

Из этого следует, что и такого рода движения также возглавлялись боярами демократической партии и направлялись против наличных властей, например, в случае необходимости заменить посадника. „Нельзя, конечно, заключает В. О. Ключевский, назвать прочным общественный порядок, который приходится поддерживать средствами анархии“.²

Из всего указанного можно заключить, что В. О. Ключевский в объяснении этого вопроса исходит из тех же положений, что и В. Пассек. Это и понятно, поскольку выводы В. Пассека были признаны официальной наукой и легли в основу не только взглядов В. О. Ключевского, но и всей историографии того времени.

В 1901 году Н. А. Рожков, заповав пересмотрев весь материал, пишет свою статью: „Политические партии в Великом Новгороде XIII—XV вв.“³

Работа была призвана разрешить две задачи: во-первых, показать несостоятельность выводов В. Пассека и, во-вторых, дать новое объяснение „борьбы партий в Новгороде“. Но и Н. Рожков принимает от В. Пассека его „топографическую“ теорию — „распределение сторонников каждой партии по частям города“, как теорию „в высшей степени плодотворную“. И затем следуют разногласия по самому „главному“ вопросу, а именно: по Рожкову, не Торговая сторона была демократической, как утверждает В. Пассек, а Софийская; Торговая же была аристократической („наоборот, Торговую сторону надо считать аристократической, а Софийскую демократической“);⁴ черное ремесленное население, отчасти и купцы жили преимущественно

¹ Там же, стр. 114—115.

² Там же, стр. 115.

³ Ж. М. Н. Пр. за 1901 г. март.

⁴ Там же, стр. 286.

на Софийской стороне, бояре — на Торговой").¹ Второй „большой“ пункт разногласий — это „конечный“ исход борьбы: по Н. Рожкову не демократы XIII—XV веков торжествовали победу, а наоборот: „демократы в конце концов были подавлены боярской партией“.²

Население города в своей борьбе делилось на группы. „Купцы были заодно с черными людьми, т. е., стояли против аристократии...“³ Бояре составляли основное ядро аристократической партии, но „некоторые бояре — конечно, меньшинство — было заодно с черными людьми“.⁴

К аристократической партии принадлежали „бояре, обладавшие, правда, земельной собственностью, но в начале XII века занимавшиеся главным образом торговлей, а позднее постепенно перешедшие к банкирской деятельности“. „Не следует ли отсюда, продолжает Н. Рожков, что на стороне черных людей стояли бояре, исключительно в землевладении черпавшие экономическую мощь? Утвердительный ответ тем вероятнее, что тогда понятно, с одной стороны, насколько разъединены были интересы бояр-капиталистов и бояр-землевладельцев, с другой, почему именно последние были близки к черному народу: земледелец и землевладелец всегда ближе друг к другу, чем земледелец к лицу, обладающему движимым капиталом“.⁵

Вот те положения, которые выставил Н. Рожков в споре с В. Пассеком. Что между ними общего?

1. В основу объяснения борьбы в Новгороде взято топографическое деление города на две стороны — Софийскую и Торговую, и деление сторон по концам.

2. В соответствии с этим, борьба представлена происходящей между отдельными частями города, поскольку они были заселены сторонниками различных партий. На одной стороне аристократическая, на другой — демократическая (одна сторона боярская, другая — черных людей и купцов).

3. На стороне „черных людей“ стояла определенная часть бояр, вследствие чего и борьба возглавлялась боярами. По Н. Рожкову, бояре-землевладельцы „были близки к черному народу“: „земледелец и землевладелец всегда ближе друг к другу“.⁶ В своей Истории⁷ Н. Рожков говорит, что обвинение „не блюдет смерд“ — основной ло-

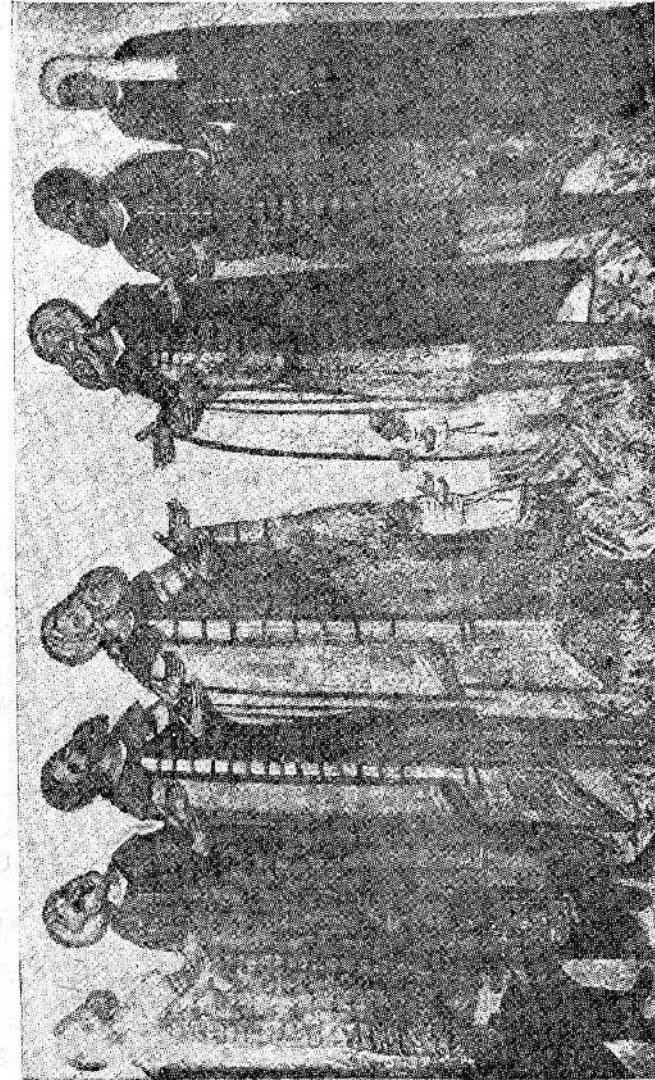

Фото 2. Изображение новгородских бояр на иконе 1467 г.

¹ Там же, стр. 257.

² Там же, стр. 286.

³ Там же, стр. 253.

⁴ Там же, стр. 255.

⁵ Там же, стр. 256.

⁶ Там же, стр. 256.

⁷ Н. Рожков. „Русская история“, т. II, 1928 г., стр. 346.

зунг восстания 1136 г. — выдвинуто демократической боярской партией.

4. Отсюда восстания в конечном счете объясняются борьбой боярского класса между собой. Остальное же население выступает либо как „сторонники“ той или иной партии или же как связанные „производственными узами“ с определенной группой бояр и вследствие этого ими защищаемые".¹

Остановимся на взглядах по этому вопросу М. Н. Покровского. М. Н. Покровский не вскрыл и не понял подлинного исторического развития России потому, что он до конца своей жизни не преодолел экономического материализма. Другой основной чертой работ М. Н. Покровского является пренебрежительное отношение к фактам. Поэтому неудивительно, что он пришел к известному схематизму, к целому ряду глубоко ошибочных обобщений, в том числе к своей концепции „торгового капитализма“.

Отсюда и его неправильное понимание истории Великого Новгорода. „По Новгороду, пишет М. Н. Покровский, мы можем судить, чем бы стала Киевская Русь, если бы ее экономические ресурсы не были исчерпаны в XII веке“, или в другом месте: „Новгород дает нам полную картину той эволюции, первые этапы которой мы могли изучать в истории Киева. Патриархальную аристократию сменила не олигархия крупных собственников, а демократия „купцов“ и „черных“ людей — мелких торговцев и ремесленников, „плебеев“. ² Это крушение патриархальной идеологии само собою уже предполагает крушение патриархального общественного строя, как предшествующее. То, что в Киеве заметилось в первой четверти XII века, в Новгороде, вероятно, стало обозначаться еще раньше. К XIII веку выветривание родовой знати и выступление на первый план мелких неродовитых людей, не только в момент кризисов, но и вообще в повседневной жизни дает себя чувствовать в целом ряде мелочей“. ³

И дальше узнаем, „что демократия мелких торговцев и мелких самостоятельных производителей, при грандиозности для своего временного развития торгового капитализма может быть лишь переходной ступенью“, ⁴ и

¹ Что касается специальных работ по истории Новгорода А. Никитского, Н. Костомарова, И. Беляева и др., то в них затронутые нами вопросы не ставятся сколько-нибудь определенно.

² М. Н. Покровский. Русская история, т. I, стр. 119.

³ Там же, стр. 123.

⁴ Там же, стр. 124.

старая группировка общественных элементов заменилась „более сложной группировкой грамот XV столетия на бояр житых, купцов и черных людей”, тогда как по грамотам XIII века деление происходит лишь „на старейших и меньших”.¹

Фото 3. Изображение бояра на иконе XVI в.

коротко им описанные восстания

Так представляет М. Н. Покровский историю Новгорода. Новгород есть простое продолжение истории Киева. На первое место выдвигается „торговый капитал“, который на самом деле не играл и не мог играть той роли, какую отводят ему М. Н. Покровский. Торговля в Новгороде, как известно, была развита, но это развитие не выходило за пределы феодальных форм.

В вопросе о новгородских восстаниях М. Н. Покровский также исходит из вышеприведенных положений. Выдумав „торговый капитализм“, „финансовую эксплоатацию“,² он свел движение в Новгороде исключительно к борьбе „должников против кредиторов“, и опять по той же причине, что „Новгород был городом не ремесленников, а купцов“, поэтому в нем „социальное движение приняло очень своеобразный характер—восстания должников против кредиторов“.³ Именно такой характер носили ко- 1209 и 1418 гг.

¹ Там же, стр. 124.

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 130.

О восстании 30-х годов XII ст. в разделе „Новгород“ своего курса русской истории М. Н. Покровский не упоминает совсем.

На трактовке движения 1209 г. нетрудно проследить схематизм М. Н. Покровского, насилиственное включение исторических фактов в придуманную им схему.

Для М. Н. Покровского „новгородские события 1209 года представляют довольно полную аналогию с суздальскими 1174 и следующих годов“. Покровский совсем не различает особенностей отношений в Суздале и Новгороде. Но дальше он в общем и правильно указывает на то, что в этом новгородском движении принимали участие не только город, но и деревня, хотя участие последней М. Н. Покровский признает лишь с оговоркой. Автор ссылается при этом на то, что „шоборы“ по земли, притом патулярные— „курами“ (м. б. „кунами“?) и „повозом“, летописец выставляет как один из мотивов низвержения Мирошкиничей, и что в Новгороде после „утверждения черниговского Ольговича Михаила Всеялодовича“ стало легко по земли Новгороду“. М. Н. Покровский также приводит факт, что бежавшим на чужую землю *смердам* этот же князь дал „свободу на пять лет даней не платить“. Отсюда он делает несомненно слишком осторожный, обусловленный его общим представлением о Новгороде, вывод: „с несколько меньшей вероятностью можно заключить, что в движении участвовали низы не только городского, но и сельского населения“.¹

В наше время разработкой истории классовой борьбы в Новгороде Великом, за период его самостоятельности, кроме Б. Д. Грекова,² никто не занимался, а между тем это предмет, без изучения которого нельзя поднять историю Новгорода.

2

Новгородские летописи очень много говорят о „мятежах“ городских низов и крестьян. Попытки осмыслить эти факты, кроме указанных выше у В. Пассека, Н. Рожкова, М. Покровского, мы имеем и у И. Беляева,³ отчасти у Н. Костомарова⁴, но все эти попытки нельзя признать ни исчерпывающими, ни удовлетворительными, так как все они неправильно ставят вопрос. Без самого тщательного анализа классовой структуры Новгородского обще-

¹ М. Н. Покровский. Русская история, т. I, стр. 115.

² См. его работу о восстании в Новгороде Великом в XII веке.

³ И. Беляев. Рассказы из русской истории, кн. II. М. 1866.

⁴ Н. И. Костромов. Северно-русские народонравства.

ства и ее эволюции, без учета отношений Новгорода к другим русским княжествам и его международного положения — нельзя понять всей сложности общественной и политической жизни Новгорода. Изучение летописных фактов о движении „смердов“ и „черных“ людей в Новгороде является предметом моих дальнейших работ. В данной статье ставится более узкая задача.

Страницы новгородских летописей не斯特рят сообщениями о движениях в Новгороде. Но не все эти движения одноковой силы, одного и того же характера, не одинаково подробно останавливаются на них и летописцы, поскольку они подходят к их оценке со своей собственной точки зрения.

Новгородские летописи говорят очень часто об изгнаниях князей (напр., под годами 1170, 1173, 1181, 1184, 1187, 1196, 1197, 1121, 1264 и др.) и посадников (под годами 1156, 1205, 1219, 1303, 1345, и др.). Само собою разумеется, что эти политические события едва ли могли протекать без всякого участия городских низов, но, к сожалению, мы не имеем возможности узнать об этих событиях никаких подробностей и потому лишены возможности сделать по интересующему нас вопросу какие-либо выводы. Другие сообщения летописей значительно яснее, детальнее, но и здесь летопись скуча на такие подробности, которые могли бы пролить подлинный свет на сущность изображаемых событий.

Начиная с 1132 по 1478 год, стало быть до конца политической самостоятельности Новгородской феодальной республики, таких записей о движениях мы имеем более 40. Все они происходили по разным поводам и протекали в определенной обстановке. До тщательного исследования каждого из этих многочисленных сообщаемых летописью фактах я не решаюсь ими пользоваться и беру из них только те, где имеется достаточно четкий материал, позволяющий говорить о движении тех или иных классов или общественных групп, где или совсем ясно подразумеваются или называются выступающие в борьбе с боярством „меньшие“ или „черные“ городские низы и крестьянство.

Необходимо здесь же сделать оговорку о том, что летописцы очень мало говорят о деревне, не потому, что о ней нечего было сказать, а потому, что авторы летописей сами горожане, интересуются прежде всего городскими событиями и в первую голову, конечно, событиями в самом Великом Новгороде, уделяя внимание пригородам лишь наиболее видным (например, Пскову, Ладоге, Новому Торгу).

Отсюда было бы явной ошибкой заключать, что деревня не живет общественно-политической жизнью, что она молчит.

Но может быть никакого сомнения в том, что борьбу с князем Всеволодом Мстиславовичем в 30-х годах XII в. вели как городские общественные низы, так и смерды.

В 1132 г. князь Всеволод ушел из Новгорода в Переяславль, но оттуда его изгнали. Тогда он вернулся обратно в Новгород, но здесь „бысть встань велика в людях“: князя изгнали (при участии псковичей и ладожан), но затем примирились с ним.

В 1134 г., когда подготовлялся поход князя Всеволода на Сузdal, новгородцы стали убивать „мужъ свой“ и свергать их с моста. Поход все же был предпринят; во время похода отняли посадничество у Петрилы и дали его Иванку Павловичу.

В 1136 г. новгородцы призвали псковичей и ладожан и на вече решили прогнать своего князя Всеволода. Его посадили под стражу на епископском дворе вместе с женой, детьми и тещею. Тридцать вооруженных человек сторожили князя день и ночь. После двухмесячного заключения Всеволода отпустили из города. Князю Всеволоду были предъявлены обвинения: „1, не блюдет смерд; 2, чему хотел еси сестри Переяславли; 3, ехал еси с полку переди всех; а то много на початыи, велев вы, рече, к Всеволоду приступити, а пакы отступити велить“.

Князем в Новгород принял Святослава Ольговича из Чернигова. Сторонники Всеволода устроили покушение на князя Святослава, но он „жив бысть“.

В этом же году убили Георгия Жирославича и сбросили его с моста.

В 1137 году посадник Константии с несколькими знатными людьми бежал к Всеволоду Мстиславичу. Князь Всеволод был принят в Пскове, имея намерение снова стать князем в Новгороде. Когда в Новгороде узнали, что Всеволод с братом своим Святополком находится в Пскове, то „мятеж бысть велик“, новгородцы не хотели Всеволода. Его сторонники — бояре — бежали к нему во Псков; их дома были разграблены; с них было взято до полуторы тысячи гривен и дано горожанам на подготовку к войне против Всеволода. Поход был предпринят, до сражения, однако, не дошло, хотя к новгородцам против псковичей присоединились куряне и половцы.

То же прослеживается и в движении 1209 года, в так называемом восстании против Мирошкиничей.

В 1209 году новгородцы предприняли по требованию Всеволода III Владимирского большой поход на Чернигов и в Рязанскую землю. Новгородцы, вернувшись в Новгород, созвали вече на посадника Дмитра и на братьев его из-за того, что они велели „сребро имати, а по волости куры (м. б. куны?) брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло“. Дворы их были разграблены, Мирошкин и Дмитров двор сожжены, жившие там схвачены, села их и слуги („челядь“) распредады, имущество разыскано и

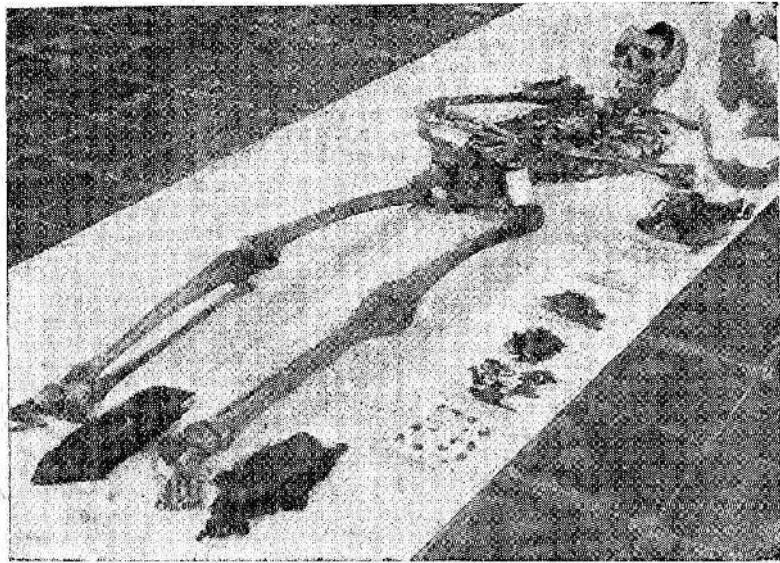

Фото 4. Костяк посадника Дмитрия Мирошкинича, убитого в 1209 г.

конфисковано. На каждого новгородца досталось по 3 гривны, а что было „на досках“ (ростовщические обязательства), то оставили князю. В том же году из Владимира привезли мертвого Дмитрия Мирошкинича (был ранен в походе). Новгородцы хотели сбросить труп его с моста, но архиепископ Митрофан воспрепятствовал этому, и Дмитрия похоронили в Георгиевском соборе, возле отца, ранее там погребенного. Дети Дмитрия были схвачены и изгнаны. В заключение летопись добавляет, что много серебра было взято и у других бояр.

Фото 5. Изгнание князя из Новгорода.
(Миниатюра Царственного Летописца, XVI в.)

В 1228 г. „простая чадь“ поднялась на епископа Арсения, которого считала причиной неурожая. Созвав вече, пошли на епископский двор и выгнали Арсения, как злодея, толкая в шею и едва не убив его.

Так как в урожае прежде всего были заинтересованы крестьяне, то нет ничего невероятного в том, что в числе „простой чади“ могли находиться и крестьяне. Конечно, это только предположение.

Под 1255 г. летопись передает факт наступления кн. Александра Невского на Новгород. „Вятшие“ стали своим полком за церковью Рождества Христова, а меньшие у св. Илии против Городища. Решили меньшие люди на том, чтобы встать всем — либо на жизнь, либо на смерть — за права новгородские, за свою вотчину; а у бояр „вятших“ был злой умысел — как бы победить меньших людей и князя ввести по своей воле“.

В 1259 г. был „большой мятеж в Новгороде, по волостям было много зла сделано, когда брали дань („туску“) для татар; и стали татары бояться смерти, говоря Александру: „дай нам сторожей, иначе изобьют нас“, и князь велел сторожить их по ночам сыну посадничему и всем детям боярским... Татары требовали: „дайте нам число“ и „чернь“ не хотела дати числа, но решала: „умрем честно за святую Софию“... Тогда люди разделились; „вятшие велят ся яти меньшим по числу“. При том бояре сделали так, что им „было легко, а меньшим людям зло“.

В последних двух случаях также дополнило участие крестьянства, так как и город и деревня одинаково боролись против обложения населения татарской данью, на чем настаивал Александр Невский.

В 1340 году, в год смерти Ивана Калиты, в Новгороде и Торжке происходят очень интересные события. Новгородцы еще не успели решить вопроса, кто у них будет князем, как сын Ивана Калиты Семен, только что вернувшийся из Орды с ярлыком на великое княжение, немедленно послал своих наместников и данщиков в Торжок для сбора дани. Новгород послал новоторжцам военный отряд для защиты от насилий князя Семена. Новгородское войско захватило в Торжке Семеновых наместников и данщиков; их заковали в цепи и стали укреплять город в ожидании московского войска. С другой стороны из Новгорода отправили в Москву протест против действий князя Семена: „еще не сед у нас на княжении, а уже бояре твои деют сильно“. Семен стал готовиться к походу на Торжок. В Торжке и Новгороде обнаружилось в это время, что разные классы совсем по-разному относятся к пазре-

вающим событиям. Общественные низы были против борьбы с Москвой, боярство — за борьбу. Новгородские низы, „чернь“ не захотела снаряжать войско против князя Семена. А в Торжке дело приняло еще более решительный оборот: „всташа чернь на бояр“, вооружилась, пошла на боярские дворы, освободила силой арестованных московских наемников и сборщиков дани и выпустила их из города, „а бояре новоторжские прибежаша в Новгород только душою, кто успел“, дома их были разграблены и хоромы разрушены, села опустошены. Здесь мы видим очень яркое проявление антагонизма между „чернью“ и боярством, причем тут же обнаруживается тяготение „черни“ к врагу новгородского боярства — растущему московскому самодержавию.

В 1342 г. восстали „черные люди“. Дома и села многих бояр были разграблены.

В 1418 г. было большое восстание, связанное с „простолюдином“ Степанком. Здесь Софийская 1-я летопись прямо раскрывает классовую сущность движения: „стала чернь“ с одной стороны, а с другой — бояре, и „учинися пакость людям, много было мертвых“. Дело происходило следующим образом.

Человек некий, по имени Степанко, напал на боярина Данила Ивановича Божина и, держа его, стал призывать народ: „господа, помогите мне расправиться с этим злодеем“. Услышав крики Степанки, люди поволокли боярина, избили его чуть ли не до смерти и, уведя его с веча, сбросили с моста. Какой-то простолюдин, Личков сын, подобрал его в свой член, а народ, рассердившись на этого рыбака, разграбил дом его. Упомянутый боярин, желая отомстить, схватил Степанка и стал его мучить. Народ услышав, что схвачен Степанко, стал созывать вече на Ярославовом дворе; на вече решили: „пойдем на того боярина и расхитим дом его“. Пришли в доспехах со стягом на Кузьмодемьянскую улицу, разграбили дом боярина Божина и много других домов и на Янёвой улице весь берег. Степанко был освобожден, архиепископ послал его на вече (к собранию людскому) вместе с попом и боярином. На вече его принял. Но на этом события не заканчиваются. Восставшие пошли на другого боярина, на Ивана Иевлевича на Чудицевой улице, и там разграбили много домов боярских; разграбили и монастырь св. Николы на поле, говоря: „здесь житницы боярские“. На следующий день на Людогощей улице разграбили много дворов, говоря: „это — наши враги“. Пошли на Прусскую улицу, но там от них отбились. После этого движение еще

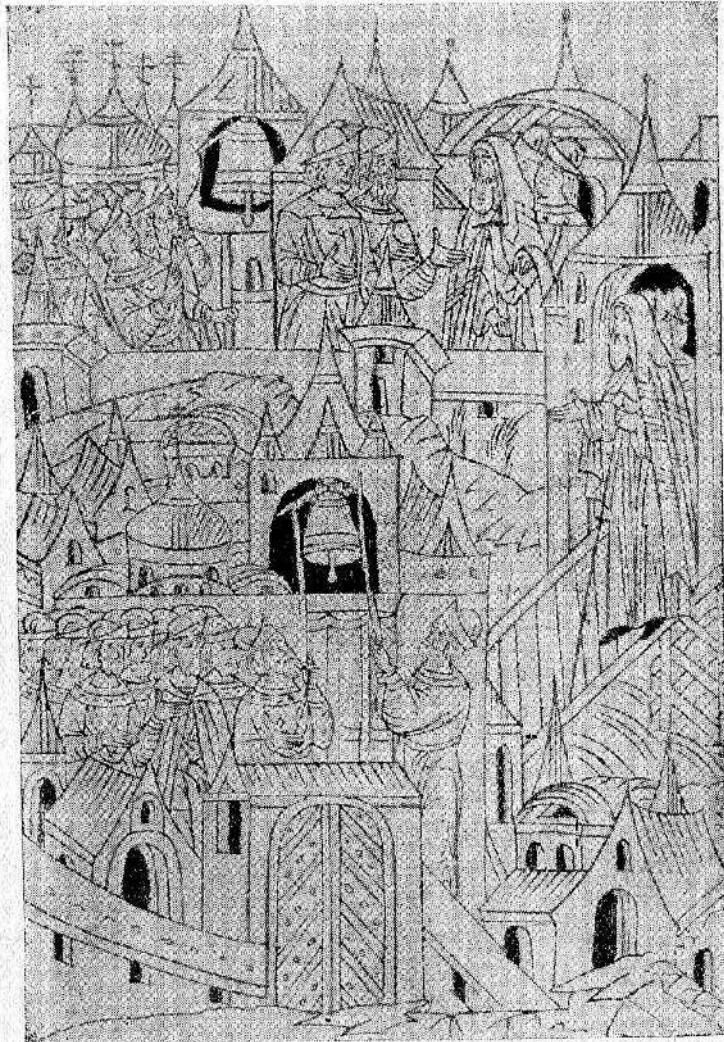

Фото 6. Одновременный созыв вече на Ярославовом дворище и на Софийской площади во время мятежа 1342 г.
(Миниатюра Царственного Летописца, XVI в.)

более усиливается. Восставшие пришли на Торговую сторону. Тогда стали звонить (в набат) по всему городу. В доспехах, как на войне, „встали черные люди с одной стороны, а с другой—бояре“; на великом мосту состоялось большое сражение со многими жертвами: гибли „кто от стрел, кто от меча; мертвых было столько, сколько на войне“.

Необходимо подчеркнуть, что летопись, сообщая факты без особых подробностей, не называя ни „черных“ ни „меньших“ людей, выражается очень кратко: „многие бояре погибли“, „многих бояр дома разграбили“. Нет никаких сомнений, что и здесь мы имеем то же явление, восстание „меньших“ людей против бояр.

В летописях описывается главным образом то, что совершалось в Новгороде Великом. О волнениях в новгородских пятинах, в пригородах, упоминается лишь по-лучто в связи с разыгравшейся борьбой в самом Новгороде. Более полное освещение получило выступление закабаленных масс в 1340 г. Из этого сообщения можно заключить, что события, подобные описанному, могли иметь место и в других пригородах Новгорода Великого¹.

М. Н. Покровский, несомненно считаясь с указаниями Маркса и Энгельса, что „все крупные восстания средневековья исходили из деревни“², рассматривал борьбу в Новгороде Великом как исключительно новгородское городское движение. Боярскую эксплоатацию он заменил „финансовой эксплоатацией“, борьбу в Новгороде рассматривал как борьбу должников (купечества и ремесленников) против „кредиторов“. Главная же производительная сила феодального общества—крестьянство—им почти полностью игнорировалась. Между тем доказать противное нетрудно.

Восстание 30 годов XII столетия базировалось прежде всего на первом обвинительном пункте, предъявленном новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу, что он „не блюдет смерд“, в результате чего князь Всеволод был арестован и затем изгнан. Новгородские бояре, воспользовавшись выступлением смердов и ремесленников, захватили власть в свои руки, ограничив князя и лишив его права владения землей.

¹ Широкое опубликование документов западно-европейского средневековья, начавшееся за последние время (см. Немецкий город XIV—XV в. Соцэкиз 1936 г.—Памятники истории Англии XI—XIII в. Соцэкиз, 1936—и др., а также предпринятое опубликование „Хронологических выписок“ Маркса) дает возможность более полно подойти к оценке новгородских восстаний.

² Немецкая идеология. 1934 г., стр. 42.

В движении против Мирошкинichей, крупнейших землевладельцев и ростовщиков, также предъявляется один из пунктов: „они велели по волостям кур (м. б. „кун“?) брать“. А если еще учесть и то, что борьба развертывается сейчас же после большого военного похода и началась в походе, то мы смело можем сделать вывод, что и здесь так же, как в восстании 30-х годов XII столетия, главной силой были смерды, подвергавшиеся всяческим поборам и терпевшие разорение от ростовщичества.

В 1228 году, после того, как „простая чадь“ расправилась с архиепископом Арсением, к князю Ярославу послали послов с требованием: „если хочешь княжить в Новгороде „то судей по волостям не посыпать...; иначе ты себе, а мы себе“.

В 1259 г. „был большой мятеж в Новгороде и по волостям было много зла“.

В 1230, 1240, 1342 гг. и др. подвергаются разграблению дворы и села боярские: „дома их и села их разграбили“.

В 1418 г., когда сам летописец не может умолчать о кровопролитном бою между боярами с одной стороны и „чернью“ с другой, восставшие нападают на монастырь „Николы на поле“, говоря: „здесь житницы боярские“. Изучение владений Никольского монастыря (конец Людогощской и Чудинцевой улиц) выяснило, что этот монастырь был крупнейшим феодалом, земли которого были разбросаны по новгородским пятина姆.

При рассмотрении летописных материалов, как главного сохранившегося источника о борьбе угнетенных против боярства, нельзя забывать, что Новгород прежде всего — феодальный центр огромной территории и что движения смердов, происходившие в новгородских пятинах, не могли не получить своего отражения, в самом Новгороде. Также важно отметить, что земли с прикрепленными смердами крупнейших новгородских бояр и монастырей простирались далеко за Новгород. И, наконец, Новгород достиг уровня больших и мощных городов того времени не только и не столько благодаря торговле (М. Н. Покровский), а благодаря эксплуатации основного и главного производителя — смерда и также ремесленника.¹

¹ Завоеванные и закабаленные народы, подвергавшиеся грабежам и большим поборам, были также одним из источников богатств новгородского боярства. Изучение борьбы угнетенных народностей позволит более полно осветить историю Новгорода Великого, этого типичного феодального образования.

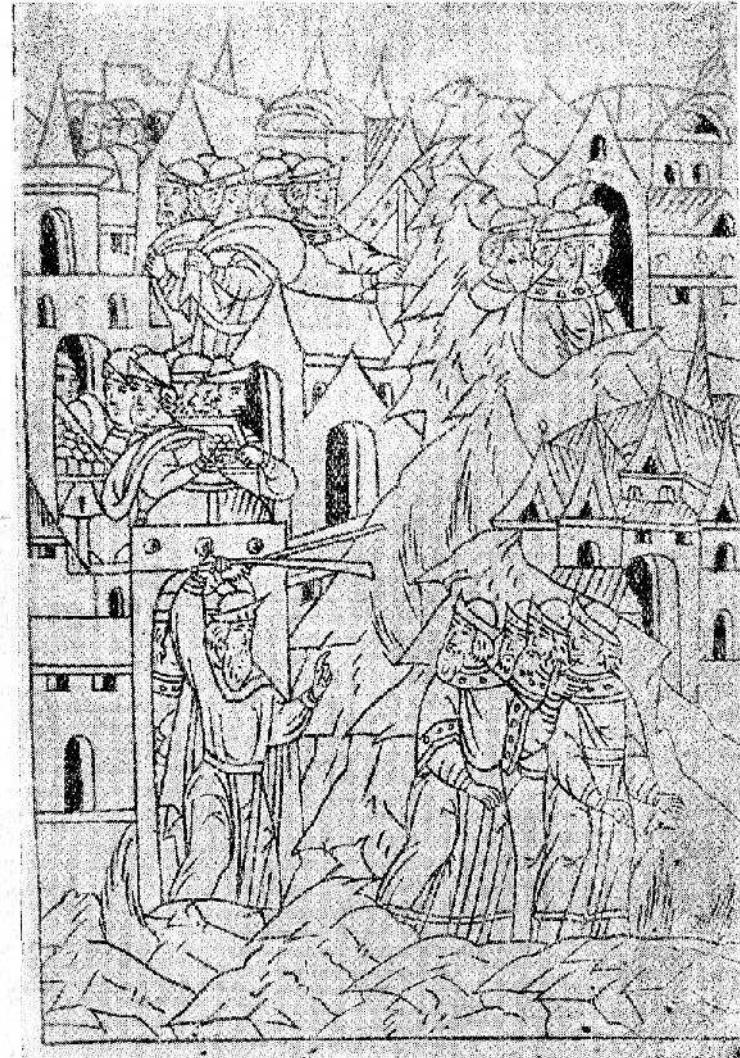

Фото 7. Изображение мятежа 1350 г. в Новгороде. Внизу — изгнание посадника Федора с братьями, вверху — разграбление боярских дворов на Прусской улице.
(Миниатюра Царственного летописца, XVI в.)

Никакими историческими данными не подтверждается вывод, что население одной стороны Новгорода состояло из бояр, а другой — из „черных людей“ и купцов. Это видно уже из того, что Н. Рожков на основе тех же данных, какими пользовался В. Пассек, пришел к заключению: на Софийской стороне жило „черное ремесленное население, отчасти и купцы“, а на Торговой — бояре, тогда как В. Пассек дал противоположный вывод: на Торговой — ремесленники и купцы, на Софийской — бояре. Этот пример наглядно показывает, что материала, который бы утверждал ту или иную точку зрения, нет.

Разметный список 1545 г.¹ указывает на общее количество дворов в Новгороде: 4896 (без учета нежилых осадных дворов в Детинце, а также пустых дворов и пустых дворовых мест).² В общем можно предположить, что количество населения в Новгороде навряд ли превышало когда-либо цифру 50.000. Занимавшиеся исследованием писцовых книг делят население города по сторонам почти поровну.³

Не подлежит никакому сомнению, что большинство населения состояло из ремесленников.

Приведем итоговые цифры состава населения применительно к половине XVI столетия по данным А. Гневушева:⁴ „По нашему подсчету, следовательно, всего населения в описанной части Торговой стороны Великого Новгорода около середины XVI ст. было, не считая дворов государева, денежного, городовых приказчиков и дворов монастырских,—923 семьи. Главную массу населения составляло... торгово-промышленное посадское население, — около 70%; далее следует группа людей церковных — около 13%, торговцев — около 11%; администрация составляла около 2%; и несколько более 2% составляли лица, способствовавшие торговле извозом как сухим, так и водными путями“.⁵ Так выглядит состав населения Торговой стороны согласно описи, сделанной писцом Леонтием Аксаковым.

¹ А. А. Э. Т. I, № 205.

² См. А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во II-й половине XVI века. Сб. Н. Общ. Л. Др. 1912 г., в. VI, стр. 4—5.

³ См. А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области. Историческое обозрение. Т. IX. 1897 г. —Гневушев, ук. соч.

⁴ Примерный подсчет состава населения применительно к половине XVI столетия сделан на основе писцовой книги Леонтия Аксакова.

⁵ А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во II-й половине XVI стол. Сб. Н. Общ. Л. Др., в. VI, стр. 3.

На Софийской стороне всего „проживало 205 лиц, занимавшихся торговлей, 45 лиц, занимавшихся извозом, 2023 человека принадлежали к числу посадского промышленного населения; служилое население занимало 257 дворов, монастырям и владыке новгородскому принадлежало 255 дворов, кроме того среди населения находилось 193 человека церковников“.¹ Феодально зависимых людей, как неплательщиков податей, писцовая книга не отмечает. Эти данные говорят против утверждения В. Пассека и Н. Рожкова, хотя они и относятся к более позднему времени.

В. В. Майков в своем разборе указанной писцовой книги конца XVI в. приводит таблицу населения ремесленников по улицам Софийской и Торговой стороны; эта таблица также подтверждает противоположный В. Пассеку и Н. Рожкову вывод.²

Все новгородские летописи при упоминании боярских фамилий также свидетельствуют о наличии последних как на Софийской, так и Торговой сторонах.

Можно считать, что при делении населения по сторонам В. Пассек и Н. Рожков исходили, главным образом, из неоднократных летописных сообщений о борьбе Торговой и Софийской сторон. Если это так, то налицо и противоречие, а именно: Софийская сторона, по В. Пассеку, боярская; но в 1388 году происходит выступление трех концов Софийской стороны: жители, как излагает летописец, с оружием в руках разграбили дом посадника Иосифа Захарьинича; сам посадник, боясь смерти, сбежал в Плотницкий конец на Торговой стороне, но Торговая сторона также восстала, присоединившись к Софийской, против посадника же. В свою очередь, как видно из выше-приведенного текста летописей, имеется много случаев, когда восстания начинались на Торговой стороне.

Необходимо еще отметить, что с названиями концов, например, Плотенский или Гончарский, нельзя связывать представление, будто их население состояло исключительно из плотников или гончаров (хотя несомненным является факт, что в названных концах имело место гончарное и плотничье производство).

Славенский конец, который охватывал всю юго-восточную часть Торговой стороны до Федоровского ручья, включал в себе центральное место торговли, но отсюда

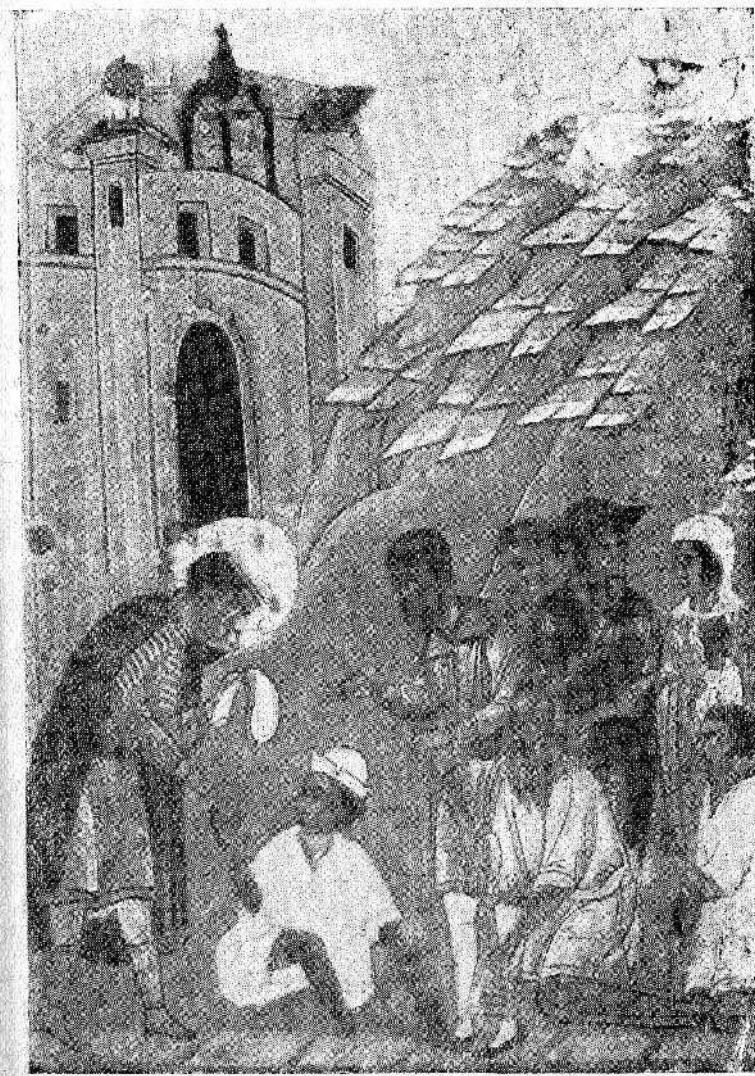

Фото 8. Новгородский боярин и нищие (с иконы XVI в.)

¹ Там же, стр. 12.

² В. В. Майков. Писцовая книга по Новгороду Великому конца XVI в. СПб. 1911 г.

вместе с тем нельзя делать вывод, что он был заселен исключительно купцами.

То же нужно сказать и относительно названий отдельных улиц. Исследование состава населения Холопьей улицы

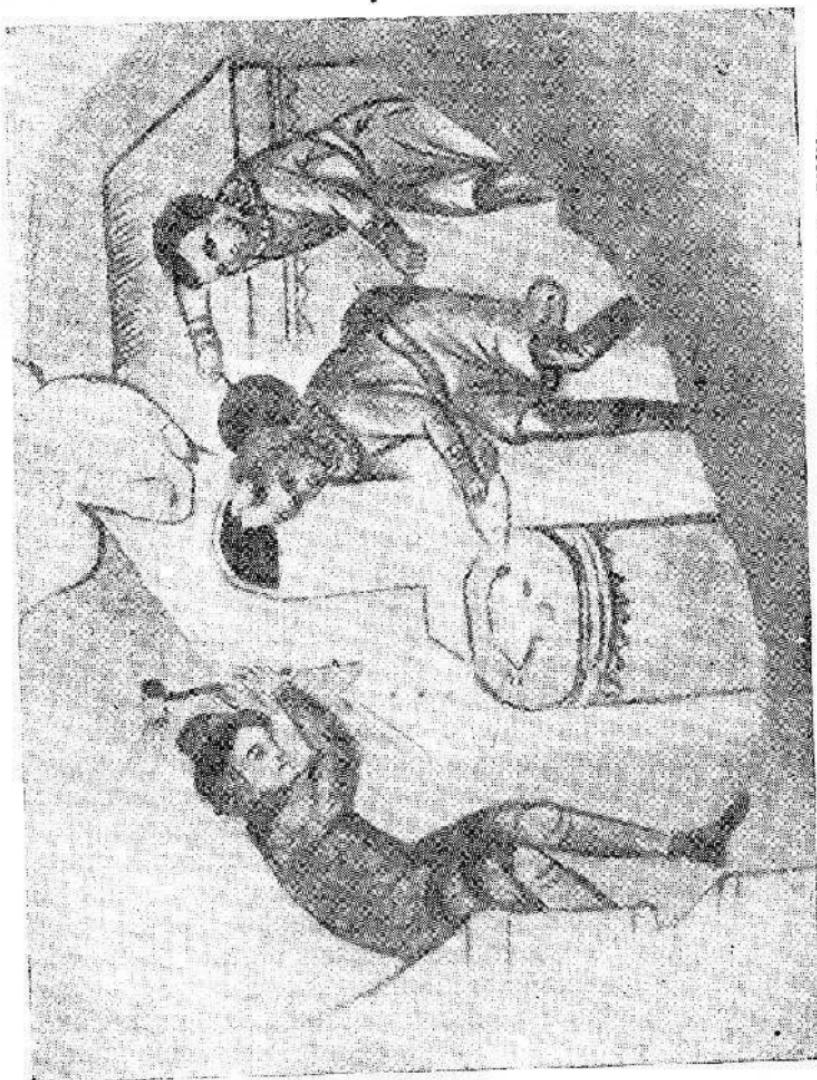

Фото 9. Изображение кузницы на Хутынской иконе нач. XVII в.

на Софийской стороне, по данным летописей, Лавочной книге XVI века и археологическим изысканиям, показало, что эта улица была заселена как ремесленниками, так и купцами и боярами.¹

¹ См. мою работу: „Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода“. Н. И. Сб., вып. I, 1936 г.

При обзоре социального состава населения улиц, подвергшихся нападению „черных людей“ в восстание 1418 г., — Прусской, Козьмодемьянской, Яневой, Чудинцевой, Людогорской, — также устанавливается, что ни одна из этих улиц не была исключительно боярской: на всех этих улицах помимо бояр жили и другие слои населения.

Население отдельных сторон и концов не было монолитным по своему социальному составу (нельзя исходить из топографического деления города и простого названия концов).

Таким образом, вопрос о различном социальном составе населения Новгорода по топографическому признаку не подтверждается никакими историческими фактами, но при этом необходимо учесть следующее: Торговая сторона включала в себя главный рынок — Торг, почему и получила название Торговой, Софийская же включала центральный политический пункт — Кремль, который был заселен, главным образом, архиепископскими людьми и боярами. Но это никак не может служить основанием к утверждению, что купцы, например, жили в Славенском конце, вокруг Торга и т. д.

Перейдем к разбору самого важного вопроса в работах В. Пассека и Н. Рожкова — к „борьбе двух сторон — Торговой и Софийской“, отмеченной летописью под годами: 1157 г., 1218 г., 1235 г., 1342 г., 1359 г., 1384 г., 1418 г.

Как понимать факт, что летописец описывает под выше-приведенными годами борьбу „сторон“ между собой?

Во-первых, необходимо с самого начала отметить, что эти описания движений, говорящие о борьбе сторон Торговой и Софийской, сравнительно очень немногочисленны; большинство же описаний говорит о движениях, направленных против князя, против посадника и отдельных боярских фамилий, против архиепископа, без упоминания борьбы одной „стороны“ с другой и, наконец, имеется много описаний, которые четко изображают эти движения как выступления „черных“ людей против бояр.

Во-вторых, на Торговой стороне была вечевая башня и площадь, где происходили собрания высшего законодательного органа — веча. На Софийской стороне — Кремль с домом св. Софии (с XIV века Совет господ имел свою резиденцию здесь).

В-третьих, восставшие почти во всех случаях старались захватить вечевую площадь. Иногда в противовес вечу на Торговой стороне, в Кремле также проводились веча, собиравшиеся по звону колокола у стен Софийского собора. Следовательно, в одно и то же время проходили иногда

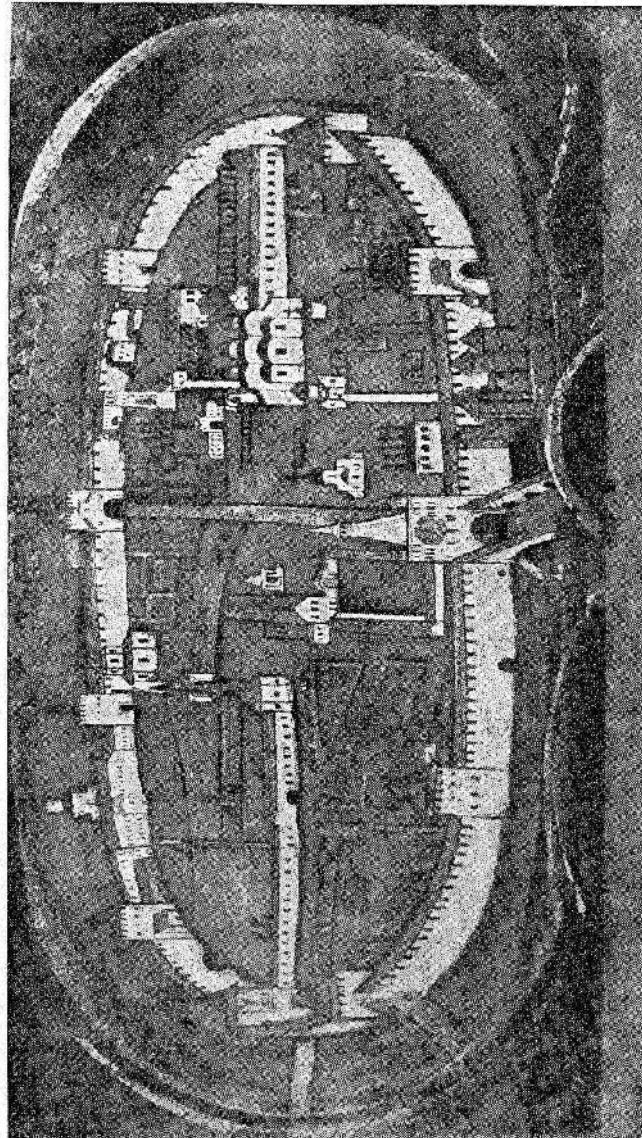

Фото 10. Изображение Новгородского Кремля в XVII в. („Михайловское“).

два вечевых собрания, одно — на Торговой, другое — на Софийской стороне; одно вече проводилось восставшими, другое — боярами и архиепископом.

Например, в 1342 г. Лука Варфоломеевич попал на Двину, взял „на щит“ Заволочскую землю по Двине, но заволочане убили его. Когда весть о его смерти дошла до Новгорода, восстали „черные люди“ на посадника Федора Даниловича и на Андрюшку, обвиняя их в том, что они подослали убийц к Луке. Дома их и села были разграблены, а Федор и Андрюшка бежали в Копорье. Когда в Новгород прибыл Анцифор и „был челом“ на Федора и Андрюшку, обвиняя их в том же, то они оба были вызваны из Копорья в Новгород. С их приездом весь Новгород разделился на две части: одни собрали вече у Софийского собора, другие — на Ярославовом дворе. В 1384 г. приехали в Новгород жители Орехова и Карелы с жалобой на Патрикия князя. Князь Патрикий поднял славлян, которые стали на его сторону. Тогда составилось два вече: одно — на Ярославовом дворе, другое — у Софии, „обои в оружьи аки на рать и мост великий переметаша“.

И, в-четвертых, Кремль являлся оплотом боярства и в борьбе против восставших. Значительные работы по укреплению Кремля, проводившиеся на протяжении всех столетий, были вызваны не только соображениями обороны от внешних врагов. Кремль был нужен боярству и как защита во время захвата остального города восставшими. Все это подтверждается фактами, излагаемыми в летописях.

В связи с этим небезынтересно отметить, что даже „протоиерей Новгородского Знаменского собора“ П. Тихомиров, говоря о роли архиепископа Симеона в восстании 1418 г., пишет: „бояре и чиновники уже не ждали себе добра и перебрались в Детинец со своим имуществом“.¹ У него же — другое, очень важное замечание: восставшие, „миновав Детинец, пришли на Козьмодемьянскую улицу“² (с Торговой на Софийскую сторону не через Кремль).

Борьба происходила в 1418 году за пределами Кремля. Когда восставшие „пришли в доспехах со стягом на Козьмодемьянскую улицу“, они разграбили дом боярина Ивана Даниловича Божина и много других домов и на Яневой улице весь берег... На Чудинцевой улице разграбили много

¹ П. И. Тихомиров. Кафедра позгородских святителей. Новг., т. 1, стр. 234.

² Там же.

домов боярских, тут же разграбили монастырь святого Николы на поле. На следующий день на Людогощей улице разграбили много дворов, говоря: „нам супостаты суть“.¹

Кремль в это время был недоступен для восставших. Бояре повидимому вместе с архиепископом заперлись в Кремле, выжидая удобного момента для выступления. Затем владыка Симеон, выждав удобный момент, вышел на мост, „и христоименитое людство по нем идоша“, „и бысть тишина в граде“.²

Этот факт как будто подтверждает высказанное предположение. Другие летописные аналогичные факты ждут своего исследования.

Таким образом, мы подошли к ответу на вышепоставленный вопрос.

Восставшие обычно собирались на вечевую площадь, помещавшуюся на Торговой стороне. Бояре же группировались в Кремле на Софийской стороне: „встали черные люди с одной стороны, а с другой бояре... и было много мертвых“.³ У великого моста, который соединял через Волхов вечевую площадь и Кремль, происходили сражения. Ясно, что, рассуждая формально, сражаются две „стороны“, но по существу идет борьба не между сторонами, а между классами.

Таким образом, необходимо теорию „борьбы сторон“ отвергнуть, поскольку она обосновывается только на внешнетопографическом принципе.

Разрешение этого вопроса является весьма важным, поскольку „борьбой сторон“ оперировали не только все без исключения историки „официальной“ историографии, но и М. Н. Покровский, который, упоминая о восстании 1418 г., приходит к следующему заключению: „в социальном отношении эта вспышка никакой перемены не внесла и не могла внести: купечество Торговой стороны не могло обойтись без боярских капиталов“⁴.

Что касается борьбы двух „партий“ (бояр-капиталистов и бояр-землевладельцев) с определенно разработанной якобы программой,⁵ то этот вопрос, так же, как и топографическая теория, с которой он связан и на которой в значительной степени основывается, имел значение лишь

для царской историографии при целевой установке растворить борьбу классов в борьбе между „партиями“ в среде господствующего класса. При этом важно отметить, что в старой историографии весь этот вопрос суживается и базируется главным образом на материале времени наступления великого князя московского на Новгород. Не вдаваясь в разбор этой борьбы, отметим лишь, что захват Москвой Новгорода несомненно грозил урезать владения многих бояр и в том числе Борецких — крупнейших феодалов, — земли которых находились далеко за пределами Новгорода. Необходимо помнить, что бояре имели и монопольное право на эксплуатацию колоний. Это положение является главным мотивом усиленного сопротивления Москве со стороны большей части новгородского боярства.

Отдельные „распри“ между боярскими фамилиями несомненно имели место, например, из-за интересов в колониях, в пригородах, в Совете господ, при выборе князей, когда эти выборы еще не были отменены, и т. д., но из этого нельзя делать вывода, что господствующий класс был разделен на партии „бояр-капиталистов“ и „бояр-землевладельцев“.

4

В заключение остановимся на восстании 30-х годов XII стол., и привлечем для проверки уже известных нам положений новый исторический источник — княжеские архитектурные сооружения.¹

Борьба, разыгравшаяся в Новгороде в 30-х годах, раскрывает картину назревших классовых противоречий. В 1136 г. собираются на вече новгородцы и жители пригородов. Они смещают князя Всеволода Мстиславича. Затем следует его арест и заключение в епископском дворе вместе с семьей, где он и просидел под стражей 2 месяца (30 вооруженных новгородцев сторожили князя день и ночь).

Князю Всеволоду были предъявлены обвинения, главное из которых заключалось в том, что он „не блюдет смерд“². Это указывает, что главной силой в данных событиях были закабаленные боярами смерды.

Борьба продолжалась несколько лет. Что произошло в результате этой борьбы? Во-первых, ограничивается власть князя. Князь становится в зависимости от веча: он стал

¹ Изучение древних памятников архитектуры и живописи с точки зрения истории борьбы классов является существеннейшей задачей работников У. Н. Г. М.

¹ Г. Н. Л.

² Г. Н. Л.

³ Соф. I Л., под 1418 г.

⁴ М. Н. Покровский, Русская История, т. I.

⁵ Н. А. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV вв. Ж. М. Н. Пр. СПБ. 1901 г., март, стр. 286.

приглашаться и изгоняться вчехом. С 1136 по 1200 год было в Новгороде более 20 князей, большинство их было изгоняемо, некоторые бежали сами. Князья лишаются также права владеть землей. Если еще в жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода на земли Юрьеву монастырю около 1130 г. говорилось: „Се аз, Мстислав Володимиров сын, держа Руську землю в свое княжение, повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгию с дацио и с вирами и с продажами”,¹ то совершенно меняется стиль грамот после событий 30-х годов. Например, в грамоте князя Изяслава Мстиславича говорится: „Се аз, князь великий Изяслав Мстиславич, по благословению епископа Нифонта испрошав есмь у Новагорода святому Павтелеимону землю”.²

Князь здесь выступает не как владелец земли, а как проситель. В древнейшей дошедшей до нас договорной грамоте Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославовичем указано: „А в Бежицах, княже, тебе, ни твоей княгыни, ни твоим боярам, ни твоим дворянам сел не держати, ни купити, ни даром примати и по всей волости Новгородской”.³

Таким образом, после 30-х годов значение веча усиливается, государственная власть переходит в руки ставленников боярства — посадника, тысяцкого и архиепископа.

Наконец, во-вторых, Новгород окончательно освобождается из-под зависимости Киева, оформляясь в самостоятельный политический организм.

Попробуем проверить эти положения фактами из другой области, из истории княжеских архитектурных сооружений. Вот эти факты.

В 1045 г. князь Владимир Ярославич приступил к сооружению Софии, строительство которой было закончено в 1050 г.⁴

В 1103 г. заложена церковь Благовещения на Городище князем Мстиславом Владимировичем.

В 1113 г. этот же князь закладывает Николо-Дворищенский собор (окончен в 1136 г.).

В 1116 г. этот же князь закладывает „Новгород более первого”.

¹ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Изд. Л. Г. У. 1935, стр. 39.

² Там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 59.

⁴ В основу этого перечня сооружений положена так наз. Первая Новгородская летопись. Полученные данные сверены со II, III, IV и V. Н. Л., летописью Софийской и Л. Авраамки.

Фото 11. Князь Всеволод Мстиславович
(изображение XVI века)

В 1119 г. князь Всеволод Мстиславич закладывает Георгиевский собор (Юрьева монастыря).

В 1127 г. этот же князь закладывает церковь Иоанна на Петрятине дворе, на Опоках („свершиша в 1130 г.“).

В 1133 г. „обновиша мост... и церкви срубиша 2 деревяне на Торговище святую богородицу и св. Георгия при князе Всеволоде“.¹

В 1135 г. князь Всеволод Мстиславич закладывает церковь Успения на Торгу („свершиша в 1144 г.“).

В 1165 г. князь Святослав Ростиславович строит церковь Николы на Городище.

В 1191 г. князь Ярослав Владимирович ставит деревянную церковь Николы на Городище.²

В 1198 г. князь Ярослав Владимирович строит церковь Спаса Преображения на Нередицком холме.³

Указанные сооружения по всей вероятности не дают полной картины княжеского строительства в Новгороде и на Городище, так как летописи совершенно не фиксировали (за исключением Кремля) гражданских построек.

Согласно этой выборке, княжеское строительство связано с именами князей: Владимира Ярославича, Мстислава Владимировича, Всеволода Мстиславича, Святослава Ростиславича и Ярослава Владимировича.

Остановимся на Софийском соборе, сооруженном князем Владимиром Ярославичем.

Первый Новгородский епископ Иоаким Корсунянин, присланный из Киева в 989 г. князем Владимиром Святославичем с поручением обратить Новгород в христианство, строит дубовую церковь Софию „о 13 вервах“, которая стояла в конце Пискупли (Епископской) улицы, заселенной по всей вероятности штатом впервые сооруженного владычного двора.⁴

Этот деревянный собор Софии сгорел в 1045 г. В том же 1045 г. был заложен каменный, доныне существующий, строительство которого продолжалось до 1050 г. Новгородская София строится в подражание построенной ранее Киевской Софии, причем в ней сохраняется та же пыш-

¹ По всей вероятности построена князем, так как в 1133 г. князь Всеволод здесь на месте сгоревшей деревянной закладывает каменную церковь Богородицы.

² Построенная князем Святославом Ростиславичем церковь Николы на Городище в 1165 г., суть по этому указанию, по всей вероятности была деревянная (одно и то же наименование).

³ Под 1199 г. летописи сообщают о строительстве церкви Богородицы на Михайловской улице княгиней женой Ярослава.

⁴ III Новгородская летопись.

ность киевского княжеского сооружения, заимствованного из Византии; несомненно, что в строительстве Новгородской Софии главную роль играли византийские зодчие, придавшие ей классические черты византийского высокого мастерства. Эта архитектурная форма сохранилась и до наших дней.

Сооружение этого величественного памятника исходило из сложившейся социальной обстановки и диктовалось определенными политическими целями.

Известно, что в половине XI века уже заметно обнаружились действующие внутренние силы, разлагавшие когда то мощное и необъятное по размерам Киевское государство — „империю Рюриковичей“.

В это время уже наметился процесс обособления княжеств, образования отдельных феодальных политических организмов, что и стало осуществляться в конце XI и начале XII века.

В половине XI века в Новгороде Великом, как и в других областях древней Руси, часть крестьян-общинников была уже превращена в крепостных. Таким образом в этот период Новгород Великий знает крупное землевладение, образованное путем превращения общинной собственности на землю в частную, знает крупных землевладельцев — князей, бояр, церковь. В дальнейшем процесс классовой дифференциации все более и более усиливается.

Построение каменного собора, грандиозного в своих размерах, явилось одним из факторов идеологического утверждения господства формирующегося класса феодалов-землевладельцев. Огромное богато декорированное здание, господствовавшее над окружающим городом, выражало мощь этого класса, силу и незыблемость его религии — орудия закрепления феодального господства.¹ Недаром сама архитектура разделяет внутренние пространства собора на две противоположные части. Вверху собора расположены просторные хорошо освещенные хоры, вход в каковые идет по широкой каменной винтообразной лестнице. Здесь на хорах было место князя и его приближенных. Внизу помещались все прочие желавшие присутствовать. Собор был предназначен не только для очередных богослужений, но и служил определенным общественным местом, где устраивались приемы высокопоставленных лиц и видных послов. В таком разделении пространства (вверху хоры для правящей верхушки, а внизу — место для осталь-

¹ В исследовании этого памятника многие исходят из того, что строительство Софии для князя Владимира Ярославича было выгодным средством для упрочения своей власти.

ных молящихся) четко отразилась классовая дифференциация общества.

Так же не случайно Новгородская София, как и Киевская, была превращена в самом начале ее существования в княжескую усыпальницу вплоть до второй четверти XII столетия.

Погребения отдельных князей в Софии, и после этого времени объясняются, по всей вероятности, их особыми заслугами.

Во всяком случае подобные факты являются уже исключением.

Затем после большого перерыва в строительстве князей князь Мстислав Владимирович, книживший в 1088—1095 и 1095—1117 гг., закладывает церковь Благовещения на Городище (1103 г.), Никольский собор на Ярославовом дворе (1113 г.) и „Новгород более первого“ (1116 г.).

Николо-Дворищенский собор был придворной церковью новгородских князей, почему и пользовался некоторыми преимуществами: его причт, судя по некоторым фактам, находился в большей зависимости от князя, чем от новгородского архиепископа. Например, епископ Нигоант, в довольно обостренной обстановке не разрешил своим попам венчать князя Святослава Ольговича, призванного в Новгород после изгнания Всеволода, на дочери новгородца; тогда князь „оженился Святослав Ольгович и венчаясь своими попы у святого Николы...“

Последние княжеские постройки на территории самого города относятся к князю Всеволоду Мстиславичу. Это — каменные постройки: ц. Ивана на Опоках — 1127 г. (вскоре была передана по специальной грамоте купцам), Успения на Торгу — 1135 г. (и за городом Георгиевский собор Юрьева монастыря — 1119 г.).

Всеволод княжил в Новгороде в 1117—1132 гг. и в 1132—1136 гг. Он первый из князей подвергается резким репрессиям. В 1132 г. Всеволод был изгнан: „бысть встань велика в людях, и придоша пльсковичи и ладожане Новугороду, и выгониша князя Всеволода“; но через некоторое время его снова пригласили на княжеский стол. Затем, как указано выше, в результате восстания Всеволод Мстиславич в 1136 г. был арестован и после двухмесячного заключения вторично изгнан. С этого времени князья теряют прежнюю власть в Новгороде: резиденция князя в 40-х годах XII столетия находится уже не в городе на Ярославовом дворе, а на Городище.

Сооружениями князя Всеволода заканчивается строительная деятельность князей на территории самого города.

В дальнейшем княжеские постройки (две деревянные и одна каменная) ставятся на Городище. Факт постройки одной каменной церкви (Нередицы), сравнительно небольшого размера, свидетельствует о новом положении князя в Новгороде, о чём подробнее шла уже речь выше. Строитель Нередицы — Ярослав Владимирович — во время построения этой церкви княжил в третий раз (1182—1184, 1187—1196 и 1197—1199 гг).

Из всего сказанного следует:

1. До событий 30-х годов XII столетия строительная деятельность князей развивается на территории города: либо в Кремле либо на Торговой стороне на Ярославовом дворе, где строится придворный княжеский Никольский собор.

2. После 30-х годов князья переселяются на Рюриково Городище («на два по прища от города»). Строительная деятельность их на территории города (в том числе и работы по укреплению городских крепостей), совершенно прекращается. Постройка на Рюриковом Городище двух деревянных и одной небольшой каменной церквей также свидетельствует, что князья, потерявшие прежнюю власть и лишенные права владения землею, уже не могут повторить образцы ранее созданных ими громадных сооружений (Софийский собор, Николо-Дворищенский, Георгиевский).

3. Падение княжеской власти отражается и в перенесении княжеских усыпальниц из Софийского собора в Георгиевский и затем в Нередицу.

* * *

Из приведенного летописного и других материалов по истории борьбы классов в феодальном Новгороде можно сделать следующее заключение:

1. Новгород Великий стал крупным городом не столько благодаря торговле (М. Н. Покровский), сколько эксплуатации главного производителя — смерда. Новгородские бояре владели громадными участками земель, разбросанными по всей новгородской территории. Движение смердов не могло не получить свое отражение в самом Новгороде. Отсюда следует, что игнорировать участие смердов в городских движениях низов невозможно. Необходимо помнить выше-приведенное замечание Маркса и Энгельса о том, что «все крупные восстания средневековья исходили из деревни».¹

¹ Маркс—Энгельс. Немецкая идеология. 1934, стр. 42.

2. Несмотря на свои активные выступления, крестьянство не могло ни защитить себя от наступления феодалов, ни уничтожить феодального гнета.

Тов. СТАЛИН в своей беседе с Эмилем Людвигом, останавливаюсь на крестьянских восстаниях, говорит: «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание, во главе с рабочим классом, может привести к цели».²

Движения смердов и «черных людей», представляет одну из самых интересных страниц истории Новгорода Великого, поскольку в них отражается стихийное возмущение угнетенных классов, борьба против феодального гнета.

² И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом «Большевик», 1932 г., № 8, стр. 37.